

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ПРОБУЖДЕНИЕ ОТ ЖИЗНИ

СОН РЕЖИССЕРА

— Бреду ночью после репетиции, мысли самые мрачные. Неужели придется бросить все, чему посвящена жизнь? Бросить и заняться тем, чему жизнь не посвящена, но что наверняка принесет успех и прочее: временным постановочным делом, рассчитанным лишь на профессиональное умение. Пять спектаклей. Пятьдесят. А дальше? Смысл! «Скучно, господа!» — произнес я вслух, и вдруг навстречу мне идут Кот Базилио и Лис. Тут Лис и говорит: «Послушай. Чего ты маешься? Ты вот что. Зарой свой талант в землю, и на этом месте вырастет много малюсеньких симпатичных талантиков». Поскольку сказку эту я давно знаю, то сразу и отрезал: «Не пройдет ваш номер. Чтоб я помер. Не зарюю». — «Ну и дурак...» Лис зевнул, растворился в воздухе и улетел в Сочи. Сколько я себя помню, Лис всегда хорошо питается и поправляет здоровье в Сочи. А ты тем временем выбиваешься из сил, стареешь морально и творчески. Но, с другой стороны, глупо начинать бегать по утрам, становиться румяным и наращивать мускулатуру. Лис ведь и не собирается со мной бороться — меня для него вообще не существует...

Этот сон, рассказанный Васильевым в очередной кризисный момент его жизни, оказался в руку. В тот день некое должностное лицо пожаловалось мне по телефону: «В отпуск собрался, а тут режиссер требуется, поставить «Вишневого сада» в Греции. Не подбросите кандидатуру для размышления?» — «Подбросу», — отвечаю, — Васильев». «Ну-у...» у собеседника появились капризные, обиженные нотки. — Я же серьезно спрашиваю!».

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

...Во втором часу ночи режиссер поднимается в опустевший вестибюль станции метро «Пушкинская» и бредет в строение номер три по Ворониковскому переулку, дом семь. Там в комнатке, где стол, сундук, все углы завалены стопками книг, тетрадок, пьес, фотографий, к пяти утра завершается рабочий день, начавшийся в девять. Главным шагом к художественному творчеству Васильев считает «освобождение от фальшивого храма под названием житейское благополучие». Нам так мало дано, грех это малое проматывать. Нет вдохновения — работой на автопилоте».

Двадцать часов в сутки Васильев идет наперекор инерции. Упорством и несуетностью этот человек напоминает леопарда, где он и корабль, и капитан, и матрос, и научные приборы. Такую судьбу выбрал сам. Позволил себе роскошь уйти по творческим соображениям из Художественного театра. После громкого успеха «Взрослой дочери...» отказался от десятка лестных предложений разных театров. До сорока двух лет скитался по общежитиям без постоянной прописки. Теперь появилась квартира в довоенном кооперативе Малого театра. В один день она была обставлена старой (не старинной!) мебелью. Больше имущества не предвидится. Нет ни денег, ни стремления. Живет «на средства души».

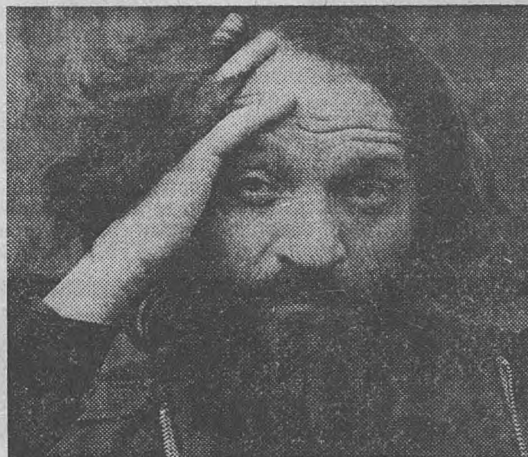
За тринадцать лет сделано семь спектаклей. Ни одного посредственного. Пять — на современную тему. К этому следует кое-что добавить. Радиопостановка «Портрет Дориана Грея» с участием Марии Ивановны Бабановой. Телеспектакль «Степной король Лир» по И. Тургеневу с Андреем Поповым. В мастерской художника Игоря Попова, с которым режиссер сотрудничает со времен «Соло для часов с боем», хранится множество макетов, рисунков, слайдов. «Виндзорские проказницы» и «Король Лир» Шекспира, «О, счастливые дни» Беккета (специально для Бабановой). Почему все это осталось невоплощенным? Причин много. Жизнь театра гораздо драматичнее и сложнее, чем она выглядит на газетных и журнальных страницах, в телевизионных передачах. «Короля Лира», например, репетировал в грим-уборных, в вестибюле, в фойе филиала и даже в курилке МХАТа. Из вызванных актеров часто являлся один Попов — остальные были заняты чем-то более существенным. Это толика правды о режиссере «без портфеля».

...Из всего, что происходило с этим человеком несправедливого, приведу пример из нематериальной сферы. Васильев не получил гостевого билета и даже разового приглашения ни на один из осенних театральных съездов. У нас что — квалифицированных режиссеров девать некуда? Тут уж на плохих начальников не спишешь, чем мы занимаемся до того ретиво, что скоро выяснится, что именно они наводняют сцену посредственными зрелищами...

В ПРОШЛОМ

...Если говорить высоко, три года, потраченные на «Серсо», — нормальные взаимоотношения художника и материала. Это и есть то основание, на котором Васильев занимается искусством. Многого поменялось в человеке и вокруг него. Иные скорости, иные представления о ценностях, иные связи с миром, с обществом, друг с другом. Способы ли незыблемые «петелька — крючок» исчерпывать внутренний мир сегодняшних людей и взаимоотношения между ними? Так Васильев пришел к собственному толкованию природы конфликта и природы действия. Собственно, здесь и заключен ключик новаторству режиссера драматического театра, ибо все остальное есть не что иное, как перевооружение ма-

В Москве создан экспериментальный театр «Школа драматического искусства» под руководством Анатолия Васильева

Васильев Анатолий Александрович закончил Ростовский университет по курсу органической химии. Работал во флоте. В 1968 году поступил на режиссерский факультет ГИТИСа (мастера М. О. Кнебель и А. А. Попов). После института поставил в Уфе «Женщину за зеленой дверью» Р. Ибрагимбекова, мюзикл «Хелло, Долли!» в Ростовской музыкальной и зачислен во МХАТ, где дебютировал в качестве режиссера-стажера спектаклем «Соло для часов с боем» О. Заградника. И имя собственное Анатолий Васильев приобретает двумя работами, сделанными на сцене Московского драматического театра имени К. С. Станиславского: «Первый вариант Вассы Железновой» М. Горького и «Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина. Спустя три года выпускает премьеру по пьесе того же автора «Серсо» на Малой сцене Театра на Таганке. В анкете журнала «Театральная жизнь» большинство опрошенных называют «Серсо» лучшим спектаклем минувшего сезона, а его ансамбль и один из актеров попали в число лучших исполнителей. С осени спектакль не идет.

шинерии сцены. Актеры уловили истину в исканиях режиссера, и репетиции застопорились (если опустить все сложности, не имеющие отношения к творчеству), а новая методология требовала иной техники. Васильев лучше других осознает, что задуманное получилось не до конца, но «зато найдена форма театра, способного приносить пользу. Это театр, окутанный облаком познания, теории. И это есть нормальная жизнь в театре».

Именно в области теории и методологии идет самая мощная пульсация его дара. Последние годы отданы интенсивной педагогической деятельности. Лекции по мастерству актера и режиссера на Высших режиссерских кинокурсах, во ВГИКе, в ГИТИСе — здесь он ведет сейчас два заочных курса. «Никого не буду щадить», — говорит Васильев, приходя к новым студентам. — Вот мое условие. Относиться стану беспощадно, как к себе. Если хотите заниматься театром, надо уничтожить инстинкт самосохранения».

С учениками связаны очередные его неразумные поступки. В тот момент, когда трудно решалась судьба его театра; когда Центральное телевидение решило выпустить незавершенный когда-то телевариант «Взрослой дочери...», что требовало скрупулезной работы, так как выяснилось, что звуковая пленка уничтожена: когда Киностудия имени А. Довженко задумала сделать видеофильм «Серсо», но оказалось, что для этого в стране нет ни пленки, ни аппаратуры и нужно «что-то придумывать», режиссер летал в Запорожье, где студент ГИТИСа Владимир Клименко делал диплом, и ездил в Ригу: там его ученик Владимир Берзин начал репетировать «Вариации Феи Дранже» в Театре юного зрителя. По признанию Васильева, он допустил педагогическую ошибку: придумал сцениграфическое решение, и молодой режиссер не смог осуществить чужой замысел.

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

...Если вы знаете пьесу и совершенно представляете или не представляете, как она может выглядеть на сцене; если вы приверженец психологического театра или предпочитаете броское зрелище; если вы консервативны или суперсовременны, — во всех случаях вас ожидает то, чего вы совершенно не ожидаете. Вы можете восхититься или разгневаться, но наступит минута, когда ваша душа начнет творить — параллельно, навстречу, наперекор.

...Левый портал сцены представляет собой как бы интерьер, превращенный в экстерьер: две вывернутые наружу комнаты. В одной сидит сумасшедшая старуха (она же Фея), в другой — выхваченная поперечным овалом света семейная парочка, мечтающая отвоевать всю квартиру. Справа, в противоположной стороне, бойлерная. Здесь три работяги, из тех, кто ходит к нам чинить краны, будут соорудить и соорудят нечто алюминиевое для отопления; в конце в соответствии с качеством их труда сооружение задымится и рухнет. В самой середине сцены стоит причудливая ширма, ее стеклянные крылья переплетены легкой вязью. Стекла витража будут сначала золотистыми, а потом зелеными. У задней стенки гигантское окно, в котором стоит прозрачный сосуд с неправдоподобно большой

роскошной розой. Цвет окна меняется в зависимости от цвета стекла в ширме. На занавеске окна будут возникать иллюстрации из Дейнеки, известная картина: Сталин и Ворошилов в длинных шинелях и т. д. В финале все не участвующие в действии персонажи выстроятся за окном — жители города. Пространство театра-коробки становится пространством жизни.

...Пока не пробил час Театра, все это мертво, как мертво сейчас на бумаге. Но вот выходит Фея в белоснежных одеждах, садится в кресло, ее слова звучат сначала обычно, однако постепенно приобретают полетность — женщина набредает на память о счастье. И появляются двое молодых людей в преддверии еще не родившегося чувства, но в воздухе есть уже предощущение любви. Тон найден — о любви говорить высоко (качество, увы, утраченное сегодняшним театром).

...Когда тронулся и пошел круг, и на крыльях ширмы-бабочки вспыхнули прожектора, и сцена обратилась фантастическим кораблем, на котором влюбленные совершают свое первое головокружительное путешествие на остров Валаам, и корабль заполнится красками, музыкой, звуками, движущимися человеческими фигурами, может быть, в эту минуту спектакль сбросил с себя последние паутины своего кокона и начал жить как что-то доселе небывалое.

Жизнь очнулась от забвения дней и лет, страхнула с себя сон повседневности и вспомнила самое себя. Какой она была и какой ей полагается быть. Театр — это сверхжизнь. Может быть, за этим люди и ходят в театр.

В программке читаем: Андрей Кутерников; ленинградская пьеса семидесятых годов в 2-х действиях и 23-х эпизодах. Режиссер вместе с художником (Владимир Ковальчук) всплескивают все это в единое пространство. Судьбы разные, зона одна, и это есть наша история, наше Отечество какое оно есть.

Раскованный, импровизационный театр Васильева требует от актера и ансамбля в целом многого. Исполнители «Феи Дранже» выдерживают постоянную смену игры, сохраняют дистанцию между собой и персонажем, соединяя поэтическую интонацию с внутренним покоем, играет спектакль в спектакле И. Федорова (Фея). Эту интонацию подхватывают молодые актеры И. Коваленко (Она) и О. Фомин (Он), хотя именно на их долю выпадает очевидное многословие текста; в условиях невыгодной мизансцены часто приходится форсировать голос. На опасном острие правдоподобия и гротеска существуют Е. Вевер, М. Широков, Г. Держановский (обитатели бойлерной), К. Титов (отец) и С. Юдин (сын), Л. Шевченко и В. Плют («Семейная парочка»).

Спектакли Васильева всегда и начинают театр Васильева и его подытоживают — режиссер очень чутко к движению жизни и к движению культуры. (Его взгляд на современность не похож ни на чей. Это сказывается в подходе к теме как бы с дистанции. И в изысканном, аристократическом стиле, который, однако, смыкается с языком поп-культуры, что и рождает высокую эклектику. Режиссер последовательно разрабатывает романное мышление и занимается наукой ансамблевого театра.

ИЗ БУДУЩЕГО

Четвертого января в доме двадцать по улице Воровского состоялось торжественное чаепитие. Предыстория его такова. Год назад Генрих Боровик посмотрел «Серсо», после чего журнал «Театр» опубликовал реплику в адрес Главного управления культуры Мосгорисполкома: почему режиссер такого класса не имеет своего дела? Управление предложило, не возьмете ли пока освободившийся подвал?

И вот сегодня собрались «серсовцы», включая рабочих сцены. Все поздравления — Игорю Попову. Это он проектировал подземный мини-дворец, воевал и брался со строителями и ремонтниками. Пока рассаживаются, задаю Попову вопрос: «Игорь, если бы ты прожил сто лет, что бы написал о Васильеве в одной отведенной тебе строке?». Попов, как обычно, застенчиво улыбается, однако парирует: «В мягкости я бы его не обвинил». Но зато теперь — хоть спектакли играй.

ПОСТСКРИПТУМ

...Пока данные заметки совершали путь от автора к читателю, в подвале сыгран студентско-заочниками спектакль «Шесть персонажей в поисках автора». Театр поддал голос...

...Возвращаемся по домам заполночь, выходим на Суворовский бульвар, Васильев в неизменном черном тулупе, с брезентовой сумкой, вечно набитой папками. Он рассказывает о том, что спектакль «Серсо» приглашен на Штутгартский международный фестиваль и театр получил здание «Урана» на Сретенке.

Корреспондент: На реконструкцию понадобится много лет. А как же актеры?

Режиссер: Ничего. Сделаем быстро. Не для себя строим. Для Отечества.

Корреспондент: Если бы явился господь бог, что бы попросил Васильев при условии — будет выполнено одно желание?

Васильев взглянул на меня своими натруженными глазами и без секундной паузы ответил:

— Таланта! Чего же еще...

Галина КОЖУХОВА.

● Режиссер А. Васильев.

Фото В. Баженова.